

Оргуни

Кто ж виноват?

Ордуни

Кто ж виноват? Рассказ

«Издательские решения»

Ордуни

Кто ж виноват? Рассказ / Ордуни — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857640-9

В занятиях общественными делами, к сожалению, людям свойственно преуменьшать значимость всего общего и, заботясь преимущественно обо всем личном, отдаваться общему делу, ну как бы это сказать, не со всей душой что ли... Причем происходит это, за редкими исключениями, повсеместно, на всех уровнях вертикали социального устройства. Хотя винить в этом конкретного человека непредусмотрительно, таким уж сделала его природа... — Куда уж там «общественным делам», когда стол советника на самом кончике носа!

ISBN 978-5-44-857640-9

© Ордуни
© Издательские решения

Кто ж виноват?

Рассказ

Ордуни

© Ордуни, 2017

ISBN 978-5-4485-7640-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Брак – это неудачная попытка превратить короткий эпизод в нечто продолжительное.

Альберт Эйнштейн

Вальдемар неторопливо шел по городской улочке, пытаясь собраться с мыслями, роившимися в его голове, словно лесной улей. Только что сбылась мечта всей его жизни: его практически назначили на должность надворного советника! На радостях он решил не брать извозчика и до дому пройти пешком, дабы немного проветриться. Он уже собирался вернуться в соседний переулок, когда увидел одинокую женскую фигуру, грациозно идущую ему навстречу. Вальдемар остановился. Словно что-то помешало свернуть ему в сторону дома. Когда незнакомка подошла поближе, он убедился, что женщина чрезвычайно привлекательна. Вальдемар, будучи светским львом, имел скверное обыкновение не пропускать ни одной юбки и хотел было к ней обратиться, как вдруг незнакомка неожиданно остановилась и сама подошла к нему. Вальдемар обомлел... Он, без пяти минут надворный советник, стоял перед этой женщиной, и вся его дальнейшая судьба зависела от одного ее взгляда. Как оно обычно и бывает, следами прошлого протоптаны пути судьбы, и Вальдемар не был исключением. Нет, уверяю вас, эта женщина не имела никакой власти ни над его теперешним окружением, ни над его настоящим положением, и никакого вреда, собственно, причинить его блестящей карьере не могла, да и не собиралась. Но был один чрезвычайно важный момент: эта женщина имела власть над его душой... А это куда как важнее! Только сейчас на собственной шкуре Вальдемар прочувствовал, что испытывали обреченные на смерть гладиаторы. Корчась на аренах Колизея в ожидании смерти, они с надеждой взирали на руку императора, от движения которой зависела их ничтожная жизнь. Но Хельга улыбнулась, и Вальдемар был спасен...

А случилось сия оказия... впрочем, полагаю, здесь нет никакой необходимости точно определять место и время оной, а будет достаточным упомянуть, что произошла эта история в губернском городке N, каких на необъятных российских просторах тысячи. Служил я в ту пору в министерстве, в чине то ли коллежского секретаря, то ли околоточного надзирателя. Должность моя была довольно почетной, конечно, не «ваше высокоблагородие», но государево жалованье, мундир, всеобщее уважение и почтение – все это – пожалуйста! Одним словом, служилый по отечеству человек, муж в чине. За давностью лет я уже не припомню всех сопутствующих нюансов того врезавшегося в мою память события, поэтому покорнейше прошу прощения за возможные неточности в деталях.

В тот день с самого утра стояла прескверная погода. Я сидел в кресле, потягиваясь возле камина, в котором весело потрескивали поленья. В одиннадцатом часу в сени, с бранью, ввалилась свояченица.

– Мерзавец, скотина, подлец! И как только он мог! – начала она с самого порога. Я понял всё и сразу: у бедняжки снова семейный кризис. – Не успел получить назначение, как сразу же загулял, кобель проклятый! Какой уж день шатается черт знает где! И сейчас, видите ли,

«барин распорядился передать, что они подойдут позже!»... Где это «они», а? Где? Вы, часом, не знаете?!

Я «часом не знал», хотя, зная Вальдемара, догадаться было несложно... Свояченица, как, впрочем, и моя благоверная, никак не могла взять в толк суть отношений между «ним» и «ней». Тех самых, о которых говорят: «Вы изучаете друг друга три недели, любите друг друга три месяца, боретесь друг с другом три года и терпите друг друга еще тридцать лет...»

В просторной гостиной на большом деревянном столе уже стоял разогретый самовар. Моя жена любовно обхаживала не на шутку разошедшуюся сестрицу, периодически удаляясь на кухню, чтобы лишний раз отчитать стряпуху и таким образом отомстить мне. Стряпуха Аксинья, дворовая девка лет двадцати от роду, была приятно дородной, чрезвычайно смазливой, жизнерадостной и шустрой девушкой. Я всегда ей симпатизировал, что ей в свою очередь очень импонировало. Она, как могла, сторонилась мою жену и инстинктивно тянулась ко мне. Хотя, должен признаться, мое расположение часто выходило ей боком. Жена, будучи крайне требовательной и до ужаса ревнивой, требовала от меня верности и порядка. Это ей казалось чем-то самым собою разумеющимся. Ей даже не приходило на ум, что это не только неестественно, но и чрезвычайно обременительно, по крайней мере, для меня. Неудивительно, что Аксинья чувствовала себя в ее компании, по меньшей мере, неудобно. Ненапускная важность моей супруги, граничащая с откровенной надменностью, и чувство собственного достоинства с потрохами выдавали в ней самую что ни на есть настоящую аристократку. Даже меня это обстоятельство моментами коробило, чего уж говорить о простушке Аксинье. Сейчас же бедняжке приходилось особенно тяжело, так как в последнее время наш утлый семейный челн и вовсе терпел крушение, и единственное, что не давало нам окончательно разойтись, как в море кораблям, – так это устоявшийся быт и нежелание менять привычный образ жизни. Да, лень и вправду творит чудеса! Аксинья бегала из угла в угол, выполняя то одно, то другое поручение жены. Та часто противоречила сама себе, требовала от Аксиньи одно и тут же давала ей противоположное поручение, сбивая бедную девушку с толку и с ног. Казалось, что супруга отыгрывается на ней, мстит ей за молодость, красоту и, конечно же, за меня... Бедняжка Аксинья! Сегодня привычный для нее бомонд пополнился обществом еще одной барыни...

Я зашел в столовую и улыбнулся Аксинье (щеки девушки залила краска смущения, и она поспешно выбежала), после чего сел непринужденно за стол. Однако присоединиться к компании женщин сразу мне не удалось. Увидев меня, жена наморщила лоб и демонстративно вышла, следом за ней побежала и сестра. Что поделывать, жена глубоко убеждена в том, что ей попался не тот мужчина, о котором она мечтала всю свою жизнь, вследствие чего, так же несчастна, как и ее сестрица. Громоздкий пузатый буфет с немим упреком обиженной женщины взирал на меня. Матовые стекла его резных дверц будто по мановению волшебной палочки увеличивали чашки, бокалы и прочую утварь, искажая их размеры так же умело, как женский ум – суть вещей. «Прям родственные души! Видимо, не зря она так им дорожит», – подумал я, доставая из буфета фужеры.

Вскоре женщины вернулись и, словно не замечая меня, жена вновь со знанием дела стала потчевать свою родственницу. Та всё это время не переставала трещать и даже не замечала, точнее, не хотела замечать, что кроме ее проблем на свете существуют и многие другие. Наконец, нисколько не стесняясь в выражениях, свояченица в сотый раз высказала всё, что она думает о своем благоверном, и, удовлетворенная и довольная собой, переключилась обсуждать новое назначение своего супруга.

– Даже не знаю, радоваться мне или плакать... Он ведь такой ненадежный! – с умилением заключила она.

– Ну, это ты зря! – не выдержал тут я. – Ничуть не больше других...

– Не знаю, чем он тебя не устраивает? Мужик, как мужик, таких еще поискать надо, – на удивление соглашается со мной жена и тут же не упускает случая сделать мне «компли-

мент»: – Твой муженек за пару месяцев делает больше, чем мой за двадцать лет семейной жизни...

К моему стыду это – суцая правда. Должен вам признаться, что я вольно-невольно отравил жене всю ее жизнь, на худой конец, молодость. В этом чудовищном тезисе она таки сумела меня убедить, и некогда её робкая догадка сегодня стала достоверным фактом, не требующим никаких доказательств, даже для меня. Как я умудрился это сделать?.. Ну, это большой вопрос, и об этом лучше узнать у нее самой. Хотя, каюсь, я действительно виноват, особенно перед ней, да и вообще, я кругом виноват... но именно поэтому я человек, а не потому что кому-то вздумалось назвать меня *homo sapiens*. Если же вы спросите, в чём именно виноват, я в недоумении пожму плечами, ведь когда мужчина начинает понимать свою вину перед женщиной, он, как мужчина, уже не представляет для нее никакого интереса...

За разговором время пролетело незаметно, и спустя пару часов появился Вальдемар, мой свояк и главная тема сегодняшнего разговора. Он, как обычно, слегка пьян, чрезвычайно весел и потому чрезвычайно разговорчив. Хотя почему-то мне сразу показалось, что дело тут вовсе не в его назначении и даже не в вине... Завидев меня, он чинно достал из-под шинели матовую бутылку дорогого французского коньяка и таинственно улыбнулся. Вальдемар по воле судьбы дослужился до гражданского чина аж восьмого ранга! Если мне не изменяет память, он был назначен на должность надворного советника. Несмотря на службу, к своей жизни он всегда относился философски, жену свою любил, по крайней мере, на людях, что, однако, нисколько не мешало ему на деле оказывать знаки повышенного внимания и другим представительницам прекрасного пола. Именно это обстоятельство и было основной причиной того, что Вальдемар был вечно «притчей во языцах» и в нашем доме, и в домах всех приятельниц его ревнивой супруги. И хоть моя жена в душе и ненавидела всех представителей мужского пола, тем не менее на людях вела себя достойно, как и подобает женщинам ее круга и положения.

– Дорогой Вальдемар, говорю тебе, положи руку на сердце, – заливается моя соловьем, – мы все очень рады за тебя! Расскажи нам, пожалуйста...

– Она хочет узнать, как это ты докатился до такого? – перебиваю ее я.

– Что ты себе позволяешь! – возмущается жена.

– Уверю, я очень долго шел к этой должности, вам известно...

– Ай-яй-яй! Такой серьезный дядя, а всё туда же... Кто о чем, а вшивый о бане!

– Нет, ты только не подумай, что я карьерист какой...

– А то нет!

– Боже упаси! Когда я вполне убедился, что чиновничество есть особое специфическое состояние мозга, мне опротивели все насмешки над ним...

– «Разумеется, далее XIII класса восходить ты не смеешь, и вообще, смеяться над больными значит иметь жестокое сердце...» Где-то я уже это слышал. Уж, не к либералам ли ты поддался, дружок?

– Сплюнь! Просто так получилось... уж кому-кому, а тебе хорошо известно, что я консервант до мозга костей, и ратую и словом и делом лишь за старые порядки. У нас свобода, брат, чревата неволей... И потом, ни одна должность не в состоянии оградить нас от житейских, да и не только, невзгод. Ты даже себе не представляешь, чего мне стоило высидеть на этом чертовом назначении.

– Так ведь высидел? – не удержалась свояченица. – А потом еще и нахрюкался, ваше благородие!..

– Да еще местечко тепленькое заполучил... – прыснул я со смеху.

– Так-то оно так, но не совсем... надоело просто! Все напыщенные, с важными минами, умничают, совершенно не зная толк в деле, бурчат себе под нос, а потом с видом первоходцев русского Севера удаляются восвояси... Брр!

– Не надо оправдываться, это так естественно...

– Кто оправдывается! Просто я всю жизнь мечтал не об этих звездочках да петлицах, а о настоящих звездах, путеводных!

– Конечно, легко философствовать на сытый желудок, звезды ему, видите ли, подайте...

– Ишь какой выискался! Я с тобой еще дома поговорю... – поддакивает мне свояченица.

– А ты не кипятись, – спокойно обращается ко мне свояк, игнорируя женины угрозы, – ты лучше послушай. Пусть ты и прав, но это совсем не одно и то же, ведь от количества первых зависит лишь величина дохода... ну, и стадия гастрита или геморроя, тогда как путеводные звезды определяют, живет ли человек или просто существует... Разницу улавливаешь?

– Но если все займутся своими путеводными звездами, кто работать-то станет, кто будет обслуживать потребности общества? Что вообще с нами со всеми будет, ты об этом подумал! Ведь всё пойдет к чертям!

– Да брось ты, и так кругом один балаган! В занятиях общественными делами, к сожалению, людям свойственно преуменьшать значимость всего общего и, забывая преимущественно обо всем личном, отдаваться общему делу, ну как бы это сказать, не со всей душой что ли... Причем происходит это, за редкими исключениями, повсеместно, на всех уровнях вертикали социального устройства. Хотя винить в этом конкретного человека непредусмотрительно, таким уж сделала его природа...

– Куда уж там «общественным делам», когда стол советника на самом кончике твоего носа... – не удержался я и снова рассмеялся.

Вальдемар, чтобы не ударить лицом в грязь, пропустил мои слова мимо ушей и нравоучительно продолжил:

– Именно по причине этого крайне важного, пусть и весьма печального обстоятельства, очень многие общественные начинания напоминают не что иное, как театральное представление, какие обычно бывают на ярмарках. То тут, то там приходится наблюдать «комические сценки» да «цирковые номера», и там, где требуется серьезный подход к делу, мы наблюдаем, одним словом, балаган!

– Дорогой Вальдемар, не беспокойся, тебя я знаю, как облупленного, да и балаганов перевидал великое множество, ты лучше расскажи нам о своих путеводных звездах...

– Я ему такую путеводную звезду устрою! Пусть даже и не мечтает! – гневно заключила свояченица и стала справляться у моей жены про рецепт пирога, испеченного Аксиньей.

Итак, рассказав в двух словах нам о своем новом назначении, выслушав от жены в свой адрес уйму любезностей и с жадностью опрокинув стакан-другой, Вальдемар воспользовался тем, что дамы оставили нас и вышли на кухню, дать ценные указания кухарке (моей вдруг почудилось, что Аксинья недопекла пирог).

– Уединимся на пару часов, есть разговор, – сказал он, помахав початой бутылкой с коньяком, в которой маняще заплескалась волшебная жидкость, и заговорчески подмигнул мне.

– А мы что, по-твоему, тут делаем?

– Тет-а-тет, мой друг! Без лишних ушей... Дело государственной важности!

– Прямо таки государственной?

– Практически...

– Ладно, уговорил.

Мы взяли с собой немного закуски и удалились в мой кабинет.

– Располагайся, – предложил я, усаживаясь на выдавший виды диван с потрескавшейся от времени кожей и уже едва заметным золотым тиснением. Расположив на большом круглом столе с массивными ножками в виде львиных лап закуску и коньяк, Вальдемар уселся.

– Хорошо-то как, тепло, – он небрежно плеснул себе коньяку, с удовольствием протягивая ноги к камину. – Я смотрю, плохи не только мои дела?

– Ты это о чем?

– Сам знаешь... Твоя-то на тебя волком смотрит... и ерничает всё время... Не нравится мне это, небось замыслила чего...

– А ты думаешь, мне нравится! Но что я могу поделать?

– Твоя жена, тебе видней...

– Это кто бы говорил!

– Да уж...

– Се ля ви!

Вальдемар замолчал, с деловым видом жуя ветчину.

– Плохо, что у вас детей нет, очень плохо... Если бы не дети, моя давно бы от меня ушла. Ей богу! А может это и к лучшему... Хорошая ветчина, знатная! Вели подать еще, давно такой вкуснятины не пробовал.

Я позвал Аксинью и распорядился, чтобы она принесла ветчины и хлеба. Когда продукты были на столе, а Аксинья, добродушно улыбаясь мне, вышла, Вальдемар спросил:

– Чего это она на тебя так смотрит? Как ни приду, всё вьется вокруг тебя, как плещ...

Ай-ай! Чую, из-за нее и мне достанется...

– Ты-то тут при чем?

– Как это ни при чем! Если твоя уйдет от тебя, ее примеру последует и моя квоча... Неужто, не ясно?

– А как же дети?

– Так она ж, дуреха, сначала уйдет, а потом подумает... и то не факт...

– Не знаю, по мне, так Аксинья – хорошая девка, добрая... – произнес я, игнорируя последние слова Вальдемара.

– На месте твоей жены я бы гнал ее в шею...

– Она бы так и сделала, если...

– Если что?

– Если б не гордость... Не хочет она признавать в дворовой девке соперницу, это для нее все равно что смерть! А так, будто не замечает ее, просто со свету сживает и ничего больше... И я тут бессилён.

– Гордость, говоришь?

– Исключительно. Да будь ее воля, даже страшно представить... Салтычиху позабудешь!

– Ну, это ты, брат, загнул! Поставь себя на ее место. Приятного, думаю, мало...

– А то! Хотя, ладно... ты лучше ешь...

– Я где-то читал, что измена в отношениях – одна из худших проблем, прямо таки настоящее бедствие! Но ты знаешь, говорят, и ее можно решить, если просто поговорить...

– Да ладно!

– Измена начинается не в постели, она начинается в уме, и часто простое желание может потом уже стать навязчивой идеей...

– Ты это сейчас о чем?

- Но если о нем поговорить, то оно, может статься, рассыплется, как карточный дом...
- Ты куда это клонишь, спиноза?
- Поделись, старина... увидишь, что все наладится...
- С кем поделиться? Уж не с женой ли?..
- Обижаешь... расскажи мне. Может, помогу чем...
- Со мной всё хорошо, а ты со своими лучше разберись, помощник выискался, судья мировой...
- Не обижайся, я хотел, как лучше... вижу же, что с вами происходит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.